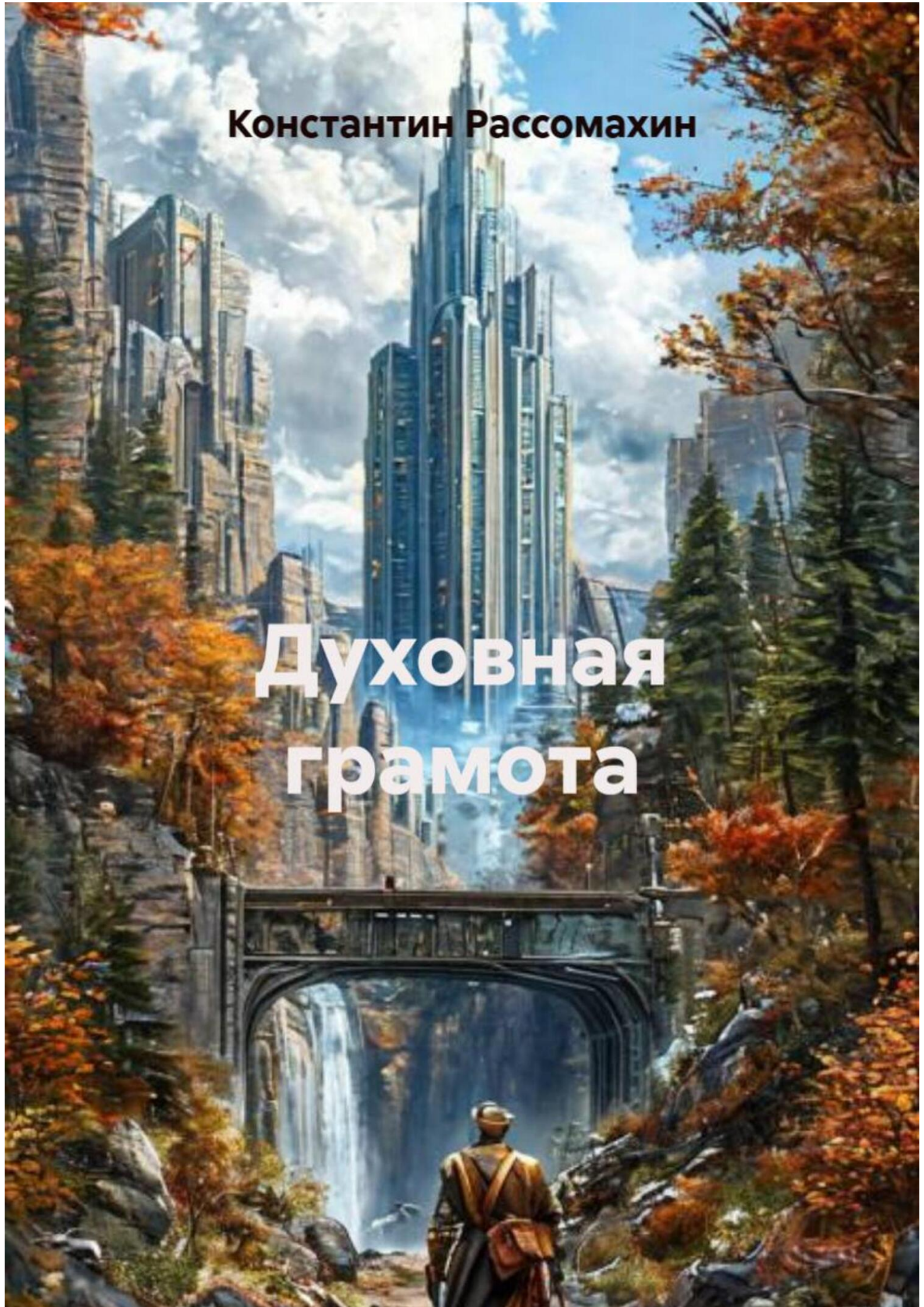

Константин Рассомахин

**Духовная
грамота**

Константин Рассомахин

Духовная грамота

«Автор»

2020

Рассомахин К.

Духовная грамота / К. Рассомахин — «Автор», 2020

Стихи и песни разных лет, посвященные философии, эзотерике и другим темам. В данный сборник вошли произведения, написанные в период с 2013 по 2019 года.

© Рассомахин К., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Завещание	5
Симург	9
Здесь и сейчас	13
И снова он...	15
Каждая рана – наука	17
Мой Робин	18
Про узелки	20
Пес	23
Я родился и рос...	24
Ярость ученичества	26
И вот, оставшись в темноте...	28
Посвящение В.В.	29
Глиняные птицы	32
Самовспоминание	34
Волшебник и овцы	36
Беглец	42
Насреддин на рыбалке	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Константин Рассомахин

Духовная грамота

Завещание

На южном продувном ветру,

Где горе близких сгрудит,

Светло и пусто поутру,

Тепло и сухо будет.

Я, видимо, уйду в жару,

И смерть меня остудит.

И кто-нибудь, мечом звеня

Под тихим небосводом,

Проводит, может быть, меня

До входа на свободу,

Когда, чрез Лету семеня,

Поволокусь я бродом.

И, может быть, меня там ждет

У притолоки рая

Отдохновенье от забот,

А не собака злая,

Чей ропот и мордovorот

Прохожих в дрожь бросает.

И может быть, меня тот пес,

Не покусав, приветит,

И за порогом алконост
Веселой песней встретит.
И заживу я, словно Крез,
На том прекрасном свете.

И пусть там, на небе, совсем
Ничуть не будет хуже,
Чем бытность в нашей полосе,
Где меж жарой и стужей
Мы, словно белки в колесе,
На месте стоя, кружим.

И пусть там храмы и дворцы
Под звездами сияют,
И в них пророки и творцы
Отца благословляют,
И Волопасы и Стрельцы
Пусть миром управляют.

И, по идее, чудный сад
Там должен быть, я верю,
И, коли правду говорят,
Я там увижу зверя
Мудрей земного во сто крат,
Да и людей мудрее.

Меня окликнут голоса,
И должностные лица
Меня восхитят в небеса
Летать, порхать, кружиться,
И я, чему, не знаю сам,
Начну с азов учиться.

И где-нибудь, среди синих льдов,
Над шумом водопада,
Быть может, ждет меня гнездо
С бумагой и лампадой,
Чтоб, коротая дни в бардо,
Я сочинял баллады.

И обрету я там покой,
И встречу на тропинке
С прекрасной ангельской душой,
С моею половинкой.

И, следовательно, на кой
По мне справлять поминки?

Когда настанет грозный час,
И упадет завеса,
Беритесь за руки и в пляс
Пускайтесь все, балбесы.

Кого увижу грустным, враз

Пусть в пекло тащат бесы.

Симург

Мы были стаей одиноких птиц,
Изгоев, запевал и забияк.
Со всех на свете стран и заграниц
Собрали нас, сформировав косяк,
И был прекрасен этот жуткий стан,
Где над смутьяном царствовал смутьян.

Здесь были китоглавы и грачи,
Бакланы – пожиратели сардин,
Фигляры, гарпии, бородачи,
И каждому в клюв палец не клади,
И каждый где хотел, там и кружил,
И с нами только ветер злой дружил.

Кому пришла идея нас собрать
В столь разношерстный, бешеный кагал,
Какую цель должна такая рать
Достичь, никто из нас не понимал.
И вот перо к перу, глаза в глаза –
Слетелись побродяги на базар.

Утес, что облепила наша дичь,
С ума сходил от криков, драк и ссор.
И вот какой-то дряхлый жалкий сыч,
Протяжно свистнув, начал разговор.

И стихло все. Квохтанью старика

Внимали птицы, небо и река.

Он молвил: «На горе священной Каф

Живет загадочный царь птиц Симуург.

И мы должны, свой норов обуздав,

Всем скопищем отправиться к нему.

Нас выбрали из многих, но – беда,

Что все не доберемся мы туда.

И прежде, чем подняться на крыло,

Я должен познакомить вас с Огнем,

Мрак посвятит в свое вас ремесло,

И кое-что вам растолкует Гром.

Да здравствует Симуург! Эй, сброд чумной,

Нас гибель или слава ждут. За мной!»

Что? Как? На кой?.. Зачем? Куда? К чему?

Воспитанный отмщеньем и войной,

Стан загалдел: «Какой еще Симуург?

Пошел бы он со всей своей родней!

Какой еще там, к черту, царь и бог?

Да он уже давно, наверно, сдох!»

Но наша ругань длилась ровно миг.

Вдруг грянул Гром, и задрожал утес,

И первой молнии сверкнувший блик
Десяток крикунов смахнул с берез,
И взвизгнув в страхе, стая в небеса
Взвилась, от смерти крылья унося.

Мы драпали куда глаза глядят,
А Гром за нами несся на парах,
Косили молнии за рядом ряд,
И только перья рассыпались в прах,
Но все ж мы выбрались, черт знает как
Из-под грозы, и вляпались во Мрак.

В такую тьму, что не видать ни зги.
Всю ночь мы мчались в полной слепоте,
Пока не поняли, что есть мозги,
Чей свет не равносителен темноте.
И вот уж, тьму лучами из глазниц
Пронзая, мчится дальше клин жар-птиц.

Но главным испытаньем стал Огонь.
Необорим и недоступен свет.
Вблизи приятно, но попробуй тронь,
Сиянье, радость, вспышка – и привет.
Там, где мы были, на краю Земли,
Немало пепла ветры намели.

И вот, пройдя сквозь сотни передряг,

Все одолев, мы все еще летим.

Нас ровно тридцать. С нами наш вожак,

Ведущий клин по грозному Пути,

И иногда нам снится, что вот-вот

Окончится наш сказочный полет.

И иногда еще такой нам сон

Мерещится, что будто бы мы все,

Вся стая, все мы вместе – это Он,

Летящий по небу во всей красе,

Достигший Истины счастливый принц...

Мы были стаей одиноких птиц.

Здесь и сейчас

Господи, что со мной?

Понимаю едва ли.

В этом мире – чужой,

А в другой – не позвали.

Словно черпак – в смоле,

Вязну весь в промежутке.

Тесно мне на Земле,

А в поднебесье – жутко.

Что творится, Благой,

С весом моим удельным?

В прошлом – одной ногой,

А другой – в беспредельном.

По зыбучей тропе

Ковылять сколько можно?

Одиноко – в толпе,

Наедине – тревожно.

Что еще за кино?

Хватит мне «или – или»!

Будто умер давно,

А воскресить забыли.

Снять седьмую печать

Почему я не вправе?!

Сколько еще торчать

Мне здесь на переправе?

Ни полслова – в ответ,

Лишь нытье под коленкой,

Желтый от лампы свет,

И дыханье – за стенкой.

И снова он...

О, добрый принц! Не ожидал вас снова...

Прошу к столу. Ну, как там, в Эльсиноре?

Все те же ветры... Вы опять в миноре.

А у меня для счастья есть основа.

Вдыхаю жизнь и радуюсь деталям.

Опять пишу, но главное – не это.

Зубрю моральный кодекс того света,

Вот потому вы здесь мне и предстали.

А вы, я вижу, только что с премьеры...

Согреться?.. Да, на улице промозгло.

Эх, вздрогнули!.. Ну, что там, на подмостках?

Согласен – эпигоны, лангольеры.

Нет, я причин не вижу для печали...

А тут я с вами, добрый принц, поспорю.

Зато какая мелодичность в хоре!..

Эх, вот бы вы им всем и показали!..

Конечно, не поймут и не проявят,

Но тут как раз-то вся весомость ваша

Сыграла б... Вот бы заварилась каша!

Нет, дорогой мой, я еще не вправе...

За то, что соизволили явиться,

Позвольте мне вам выразить... Короче,
Я так польщен и рад... Да, дело к ночи...
Ну, что, еще полста, и по темницам?

А мне еще читать и заниматься...
Всегда вам рад. Оставленному следу
Я предреку над временем победу.
Да, приходите как-нибудь с Горацио.

Закрылись двери. Пала вниз завеса.
Четверостишья – просто загляденье.
Кто следующий – ангел, привиденье?
Да, любопытна физика процесса.

Каждая рана – наука

Даже доверенным лицам

Это нельзя рассказать.

Каждое слово – печать,

Каждое имя – граница.

Даже любимой – ни звука,

Дескать, откуда рубцы?

Выжил – и в воду концы.

Каждая рана – наука.

Ни на алмаз, ни на бронзу

Не разменяю урок.

Каждая ссадина – в срок,

Каждая кара – на пользу.

Мой Робин

Колчан и стрелы за спиной,

И шорохи вокруг.

Повсюду следует за мной

Мой старый добрый друг.

Куда бы путь мой ни лежал,

Везде со мной мой паж,

Везде с собой несет кинжал

И лук мой верный страж.

Неуязвим, неуловим,

Невидим для врагов

Мой добрый Робин-херувим,

Приятель с детских снов.

Его невидимая власть –

Не просто болтовня.

Попробуй кто-нибудь напасть

Иль фыркнуть на меня.

Попробуй сзади подойди

Иль западню устрой,

Узнаешь, как за мной глядит

Мой Робин, мой герой.

Тому, кто радость дарит мне,

Мой лучник – брат и друг.

А если кто со мной в войне,

Тогда врагу каюк.

Неустршим, необорим,

Смекалист и хитер,

Мой храбрый Робин-херувим

Любому даст отпор.

Он любит в темноте гонять

Котов, собак и крыс

Иль пьяниц горьких попугать:

«Эй, ты, прямей держись!»

Мой славный ратник – не бандит,

А добрый бедокур.

Меня в дороге веселит

Мой Робин, балагур.

И этот радостный мотив

Деревья и поля

Мурлычут тихо, подхватив:

Тра-ля, ля-ля, ля-ля.

Про узелки

Посвящается В.В.

Я с малых лет – мастак

Развязывать узлы,

Податель вечных благ

Изделиям из ветлы.

Бечевки всех мастей

Спасать носили – мне.

Терпенье у людей

Устойчиво в цене.

Гирлянда, провода

Иль шерстяной моток –

Отец ко мне всегда:

«Распутаеть, сынок?»

Ах, пальчики тонки,

Ах, глазик молодой,

Распутай узелки,

Будь добр, дорогой».

И мальчик расплетал,

И делал все, что мог,

И в злобе не шептал:

«Какой мне в этом прок?»

И мальчик мог весь день
В клубке концы искать.
Да просто было лень
И жаль веревки рвать.

И вот прошли года,
Промчались, пронеслись,
Да только вот – беда
Откуда ни возьмись,

Сижу всю ночь впотьмах,
Колдую, не спеша,
Да только вот в руках –
Не путы, а душа.

И все бывшее суть
Один сплошной должок.
И ведь не полоснуть
Ни словом, ни ножом.

Ах, как же вязь мелка,
Как сложен узелок!
Работа – на века,
А времени – чуток.

Ах, сколько же узлов,
Трудов – невпроворот!

Но благо, что пошло

Умение в зачет.

И, в общем, все путем,

Находятся концы,

И глаз еще остер,

И пальцы – молодцы.

И вера, чуть дыша,

По-прежнему жива.

И благо, что душа –

Все та же бечева.

Пес

Что делаю – беду ли кличу,
Прилаживаю ль к ветру нос,
Я – все же не стрелок, я – пес,
Я – зверь, учуявший добычу.

Куда меня бы ни вело,
Везде я чувствую ведомость.
Я – только средство, на крыло
Нацеленное, будто компас.

И мне пора бы перестать
Носиться по степи и, лая
На тишь неведомого края,
Себя охотником считать.

Не лапой давят на курок,
Не псы выносят приговоры.
Со мной – Хозяин мой, который
Меня ведет за поводок.

Я родился и рос...

Я родился и рос на костях Золотой Орды,
На бедовом градусе северной широты,
Где стрибоги и рамы, свои возведя аркаимы,
Побросали их вдруг – червем да чертями теснимы.

Наша степь, впитавшая кровь, словно скорби – бумага,
Сдобрена ворожкой, и, вдыхая чар этих брагу,
Я бреду впотьмах, собирая в копилку беды,
Тайный смысл которых, увы, никому неведом.

Я здесь был, и я есть, и еще сотни раз здесь буду.
И зачем это мне? Как суда пропадают в Бермудах,
Я исчезну опять. Навсегда моя карта бита.
Почему от меня все ключи и лазейки скрыты?

Я родился и рос в степи без конца и без края,
И куда я иду и откуда вышел, не знаю.
Имена своих близких перебирая всеу,
И рожден я здесь, и умру я здесь вхолостую.

Я родился и рос в захоlustье спутанных судеб,
Расплести которые, нет, не способны люди.
Вы, могучие боги, вы, прекрасные девы,
Вы, стрибоги и рамы, герои и маги, где вы?

Как все в сущем запутано, и как мало в нем весим

Мы, разбросанные по временам и весям!

Мы, блуждающие бесцельно от смерти до смерти,

По просторам ничьим и прекрасным, мы, черви да черти.

Ярость ученичества

Не рыдать и не злиться.

Не понять – ну и что ж?

Не журавль – так синица

За здорово живешь.

А спроси себя честно:

Ты к иному готов?

В насаждениях небесных

Понатыкано дров!

Поисхожено тропок,

Поначитано книг.

Ну и что, что с пеленок

Мчишь на перекладных?

Ну и что, что усталость?..

Поспешишь – насмешишь.

Ученичества ярость

Ослепительна лишь.

Так давай же отставим

Не на год, не на два

Все манящие тайны,

Все чудные слова.

Так узнай, что пытливость

Сверх предела есть грех.

Простота копотлива.

Жизнь мудрее нас всех.

Глянь, какая дорога!

Тихо, с песней иди.

Не обгонишь ты Бога.

Бог всегда впереди.

И вот, оставшись в темноте...

...И вот, оставшись в темноте,

Но ощущая, как зияют

Любовью раны на кресте,

Христос ко Господу зовет.

И ни Пророк, ни Серафим

На помощь Агнцу не взметнулся,

И из Престолов ни один

На небесах не шелхнулся.

И все тускней, слабее свет,

И громче боль. Что происходит?

Приказа нет. Приказа нет,

Хоть Ангелы – давно на взводе.

...И Мать, рыдая под венцом,

О чем-то все молчит с Отцом.

Посвящение В.В.

Ох, как же мне, ребята, повезло!

Меня к себе взял мастер метаболя

Овладевать сложнейшим ремеслом

Защит от уличного мордобоя.

Кулак у человека, как фугас,

Уж если влепит, так пиши – пропало.

Видали б только вы, как люпит нас

На тренировках наш сенсей бывалый.

Направо и налево, там и сям

Втыкает нам, мочалит нас, как груши,

Не хуже, чем актер Щас Как Вам Дам,

По почкам, в челюсть, по мозгам и в душу.

Излюбленный у мастера прием,

Чтоб медом жизнь не думала казаться,

Зовется «ход по голове конем».

Учитель наш – любитель провокаций.

Бывает, новичок к нам в зал войдет

И ручку тянет, мол, здорово, дядя.

А он ему ладошку как сожмет

И улыбается, в глазенки глядя,

И ждет, ну, как себя проявит тот,

И жмет ему сильней и крепче руку,

Пока молокососа не прорвет,

И с ходу – в зубы, и пошла наука.

Вот так и начинаются у нас

Без всякой болтовни и подготовки

И продолжаются примерно час

Без правил и пощады потасовки.

Выходишь после взбучки сам не свой –

Так и стоит перед глазами идол,

Идешь себе на костылях домой

И думаешь: «Блин, во, учитель, выдал!»

Вы спросите, чему же я так рад?

Какая польза от уроков, коли

Весь забинтован с головы до пят

Ползешь до хаты, чуть живой от боли?

Недальновидный, должен вам сказать,

И необдуманный вопрос, ребята.

А если вдруг из подворотни – тать

Иль пуншем разогретые фанаты?

А вам скорее хочется бай-бай,

А молодежи хочется подраться.

И деру дать нет сил – ну, просто, край.

Вот тут-то костыли и пригодятся.

Подумайте как следует, друзья,

О всяких катаклизмах невеселых,

Ведь вовсе без защиты жить нельзя.

Подумайте и приходите в школу.

Глиняные птицы

Шалили дети, лепили что-то,

Кидались глиной, сводили счета.

В сторонке, в луже возясь, работал

Серьезный мальчик. Была суббота.

Летело время. Текла водица.

Ребенку в радость – в грязи возиться.

Головка, крылья, две лапки-спицы.

Журавль – в небе, в руках – синицы.

«А как ты сделал?» «Гляди, цыплята».

«Прям как живые». «Эй, ты, нельзя так!

Сегодня праздник». «Не прячь глаза-то!»

И – прочь с доносом мальцы по хатам.

Примчались папы. «Нельзя трудиться».

«Закон нарушен». «А где те птицы?»

– Какие? Эти?

И взмах десницы.

И стайка, в небо упав, резвится.

«Так не бывает». «Ты чо, волшебник?»

«Из этой глины?!» «Молчишь, бездельник?»

«Такому трюку я сам хотел бы,

Блин, научиться, да где учебник?»

«Мы говорили, мы говорили...

Потом он сделал... Мы вместе рыли...

А он не слушал... Синицам крылья...»

«Ты чо, поверил?» «Ты чей?»

– Марии.

Толклись, толпились неряхи, ряхи,

Смеялись, злились, дрожали в страхе.

Сердились судьи, вздыхали пряжи.

Текла водица. Порхали птахи.

Самовспоминание

Скажете: чудак.

Плюнете: пижон!

У меня есть враг –

Крепкий, сладкий сон.

Фыркнете: дуэль?

Жизнь не дорога?

У меня есть цель –

Одолеть врага.

Силы не равны –

Кочка и гора.

Мужество – мой сын,

Ненависть – сестра.

Сдержанность – мой рай.

Ясность – мой девиз.

Боже, не мешай!

Черт, посторонись!

Знания – полки.

Совесьть – командир.

Планы далеки,

Смерть – ориентир.

Счастью – грош цена.

Милость – не к лицу.

Сон, тебе хана.

Гибель подлецу!

Строчки – моя рать.

Рифмы – блокпосты.

К бою! В плен не брать!

Прочие – в кусты.

Волшебник и овцы

Жизнь, говорят, есть сон.

Как это можно проверить?

Стены со всех сторон,

И ни окна, ни двери.

Кто обманул нас, шоры

Втиснув в мозги поглубже?

Где крючок, за который

Дернешь – и ты снаружи?

В древние времена

Жил-был один воротила.

Шерсти, то бишь руна

Море у него было.

Морем жирных овец

Заправлял своенравно

Мудрый вождь и отец

Всех ягнят и баранов.

Крёз, не тая греха,

Стриг своих подопечных,

Страстно любя потроха

И шашлычки овечьи.

Все бы ему нипочем,

Но имелась превратность.

У буржуев бичом

Что является? Жадность.

Не хотел пастухов

Нанимать воротила.

Изгородь от волков

Строить – жаба душила.

Даже пастушьих собак

Брать не хотел сквалыга.

Стад ведь хватало и так.

Дескать, какого фига?..

Ну, подумаешь, волк

Парой овец разживется,

Ну, унесет поток,

Ну, с обрыва сорвется.

Все это был пустяк,

Важный, весомый? Едва ли.

Хуже всего был тот факт,

Что овцы все понимали;

Что хозяин их – псих,

Дёрнувший скипидару;

Что он хакает их

За отарой отару;

Что ему все равно,

Что приготовить – пельмени,

Плов ли; что он за одно

Мясо их только и ценит.

Ну и еще чуть-чуть

За овчину и шкуры.

В общем, властитель их – жуть!

Подлая, злая натура.

Все это очень сильно

Изверга удручало.

Сок выделялся обильно,

И в желудке урчало.

Только овечку – хватъ,

Вот бы, мол, подкрепиться,

Как остальные – бежать.

И засверкали копытца.

В общем, плохо совсем

Стало житье у злодея.

А наш владыка меж тем

Был еще и чародеем.

Думал, гадал паразит,
Что б замутить такое,
Чтобы и он был сыт,
И росло поголовье,

Чтоб все овцы и овны
Без жлобства и кокетства
Шли к нему в пасть любовно.
И отыскалось средство.

Был далеко не дурак
И настроен серьезно
Быт свой наладить маг,
Обращаясь к гипнозу.

Ах, как он сладко внушал!
«Верьте, овечки, верьте
В то, что у вас есть душа,
В то, что вас ждет бессмертье.

Гибель – еще не беда.
А сдирание шкуры
Не причинит вам вреда,
Только улучшит фигуру.

Все, что вам только надо,
Все исполню я споро.

Я люблю свое стадо,

Я – ваш хозяин добрый.

Я – ваш иконостас,

Ваш помощник, ваш рыцарь.

Верьте, ни с кем из вас

Ничего не случится.

Ну а если внезапно

С вами что-нибудь станет,

То все пойдет поэтапно,

Четко, по расписанью.

После смерти – астрал,

Те же кусты и грядки,

После астрала – ментал...

В общем, все будет в порядке.

Там, в том счастливом краю

Трав и воды навалом.

Ангелы сладко поют

В том краю небывалом.

Там начинается путь

В незнакомые дали.

Там вашей жизни суть

Вскроется в каузале.

Там, на верху на святом
Все, наконец, прояснится,
Там вы узнаете, что
Кто-то из вас – лисица,

Кто-то из вас – медведь,
Лев, крокодил или кошка.
Кто-то из вас – человек,
И волшебник немножко».

Нарисовал круги,
Замки, дворцы, аллеи.
В общем, запудрил мозги
Так, что чуть сам не заблеял.

И с тех далеких лет,
Зависть друзей вызывая,
Пастырь не знает бед.
И овец прибывает.

С тех далеких времен
Овцам, тупым и беспечным
Снится их розовый сон,
Лживый и бесконечный.

Беглец

С дороги сбившись, в дебрях заплутав,

Удравший от волков и прочих тварей,

Лицо ободрано, в крови рукав,

Он вышел на опушку цвета хмари.

Ему открылся благостный ландшафт,

Который сразу мысли о кошмаре

Прочь отогнал. Знаменами шурша,

В лучах заката замок перед ним

Вздымался ввысь. Алела черемша,

Ковром лежа пред валом крепостным,

И уползала языком в Долину,

Что за кремлем раскинулась чудным.

Паломника звала к себе равнина,

Таким покоем веяло с лугов.

Но под ногами шумная стремнина

Неслась, как войско бесов, через ров

Вдоль крепостной стены. В шальной поток

Ступить тотчас герой был не готов.

А замок завораживал и влек

К себе неисцелимого скитальца,

Как мотылька, что мчит на огонек.

Таким знакомым форт ему казался,

Как будто бы явившимся из сна,

Но все же неприступным, сколь ни пьлся

На окна и бойницы. Вышина

Сооруженья странника дразнила,

Особенно фронтальная стена.

Какая-то неведомая сила

Звала, манила путника к себе,

Вселяла страх и вместе с тем целила.

Воспитанный в покорности судьбе,

Усталый, натерпевшийся невзгод,

Он медлил, не решаясь на побег,

Раздумывая, как на берег тот

Перенестись иль перекинуть мост.

Без переправы ледящих вод

Не одолеть. «Как жаль, что я не дрозд, –

Он думал, – чтоб поток перепорхнуть,

Не великан, чей богатырский рост

Позволил бы рубеж перешагнуть».

Так, паузу на размышление взяв,

Он все высматривал полегче путь,
Как вдруг раздался Голос: «Только вплавь.
Течение бурное, вода как лед,
Но миг пройдет, и сказку сменит явь».

И он, не мешкая, рванул вперед.
От холода пловцу сдавило горло,
И судорогой искривило рот,

Но он решил, что больше быть покорным
Нельзя. Остатки сил собрав в кулак,
Он взялся пенить реку и, топорно
Камней и волн чуждаясь, кое-как
Поплыл, закувыркался, забрыкался,
Трясаясь, на сушу выполз и обмяк,

Едва дыша. Паломник оказался
У самого подножья цитадели.
Отсюда вид на крепость открывался

Совсем иной. Над путником чернели
Три каменных уступа, а над ними
Две башни угрожающе горели

В лучах заката. Гордая твердыня,
Украшившись пурпуровой тесьмой,

Сподобилась от солнца благостыни.

И тут внезапно ледящий вой

Вознесся над мрачнейшей дубравой.

Паломник обернулся. За спиной,

Там, где он только что – о боже правый! –

Стоял на берегу, металась стая,

Стезею шедшая его кровавой.

Закат, фигуры волчи обагрят,

Углями тлел в разрезах злых белков.

Но водная преграда, отделяя

Искателя от скопища волков,

Теперь ему защитой была.

И Голос в тишине раздался вновь:

«Ты вовремя решился, удила

Бесстрашно закусив, улепетнуть,

Иначе всеми воинствами зла

Растерзан был бы. И отныне будь

Смелее, не сворачивай с прямой

Дороги ни на малость, ни на чуть».

Незримый Глас, вселяющий покой,

Умы соединяющий с сердцами,

Откуда ты доносишься такой?

Паломник, подгоняемый волками,

Набрался Веры и полез на стену.

Вгрызаясь в воздух жадными зубами,

Рассаживая локти и колени,

Не глядя ни по сторонам, ни вниз,

На следующий уровень мгновенно

Вскочил он, но, откуда ни возьмись,

Гроза, как коршун, пала на скитальца,

Столкнув его с уступа. За карниз

Успев схватиться кончиками пальцев,

Беглец повис на слизистых камнях.

Как только приподняться он пытался,

Так сразу хищник-ливень, божий страх

Внушая, забивал его в гранит.

Огонь Надежды гас в его очах,

Потоки слез лились с его ланит,

Но что-то сумасброда заставляло

Кишкой болтаться среди намокших плит

И рваться ввысь. Но вот отбушевала

Гроза, с верхов стекли каскады вод.

Победой упоенный небывалой,

По взятому порогу взад-вперед

Расхаживал паломник, сам не зная,

Какой еще его экзамен ждет.

«Ну, это разве буря? – вдохновляя,

Вновь Голос в нем знакомый зазвучал. –

Ты ведь и так промок, переплывая

Поток. Ступай на следующий вал!»

Послушный доверительному Гласу,

Искатель дальше подниматься стал.

Стемнело. Только месяц безучастно

Сиял в ночи, с гурьбой пытливых звезд

На человечьи глядя выкрутасы.

А человек карабкался и полз,

На собственную немочь обозленный,

Гюрзою вился, эдельвейсом рос,

Тянулся, как безумец, ослепленный

Любовью, на балкон к юнице чистой.

И вот уж он, успехом окрыленный,

Взбирается на следующий выступ,

Встает с колен, как вдруг морозный вихрь,

Кидаясь в драку с бесшабашным свистом,

Без всяких околичностей пустых,

Обрушивает тысячи ударов

На смельчака – по шее, в грудь, под дых,

В лицо, в висок – жестоко, щедро, яро.

Беглец, припав к земле, живой насилу,

Ища приют от нового кошмара,

Волочится к стене, где власть ветрила

Не так страшна. И надо же – спасен!

Вокруг него все ходуном ходило,

А он сидел, покоем окружен.

Как описать, чему он был свидетель,

Что чувствовал, чем наполнялся он?

Все познавал – и грех, и добродетель,

И жизнь, и смерть – во всем вскрывался толк,

От озарений становился светел

И счастлив он. Помалу ветер смолк,

И слезы Знанья с щек, искрясь, скатились,

И правды вкус усвоился, прогоркл,

И силы будто удесятерились.

И Голос еще громче слышен стал:

«Покуда ты еще не впал в немилость,
Скорей наверх, покинь свой пьедестал.
В любой момент он может расколоться.
Нет времени. Штурмуй последний вал!»

Почуяв, как земля под ним трясется,
Герой взмывает ввысь. Вскипает кровь
В груди его, сияет ярче солнца

Бескрайняя в душе его Любовь.
Ему искусства новые не страшны.
Не дрогнет в нем ни длань, ни перст, ни бровь,

Когда степенный образ между башен,
Гремя доспехом, на пути встает.
Пылает меч в руке его, украшен

Таинственными знаками. Вот-вот
Коснется он мечом груди героя,
Медлительно идущего вперед

С высоко поднятою головою.
– Пстой! – велит Привратник величавый. –
Кто ты, поднявшийся сюда тропюю

Спасительной, и по какому праву
Ты здесь в преддверьи Рая, отвечай? –

Разносится над Божией заставой.

Сглотнув колючий ком при слове «Рай»,

Паломник, трепеща от возбужденья,

Отвечает блюстителю: «Узнай,

Я – тот, кто сотворен для восхожденья,

Тот, кто бессрочный подписал завет.

Я снова жажду воссоединенья».

Привратник молча слушает ответ.

Меч пламенный ложится смирно в ножны.

Вещает страж: «Ступай за мной вослед».

Дверь в башне справа, скрипнув осторожно,

Приотворяется. Они к порогу

Подходят... То, что мнилось невозможным,

Сбывается. Светает понемногу.

Внимает небо трелям соловьиным.

Конец Пути становится прологом.

Встает Звезда над золотой Долиной.

Насреддин на рыбалке

Бывает так, что, ловлей увлеченный,
Об осторожности не думает ловец.
И, жадной барыша разгоряченный,
Сам жертвою становится слепец.

Случилось как-то Насреддину
В речную забрести долину
С рыбацкой сетью за плечами.
Мудрец, хоть и чуждается пороков,
О Боге помышляя днями и ночами,
Но иногда и он в нужде глубокой,
Как пес, себе повсюду пропитанье ищет.
Молитва – не всегда достойная замена пищи.

И Насреддин, от голода забыв
Приличия и страх, презрев закон,
Плетеной сетью перекрыл залив,
В котором лов был строго запрещен.
Когда ж приблизился желанный миг,
И Насреддин стал на берег тянуть
Трепещущие снасти, тут как тут
На горизонте рыбнадзор возник.
Инспектор не спеша подплыл на лодке

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.